

ЗАПИСКИ

Семипалатинского Отдела Русского Географического Общества.

Выпуск XV.

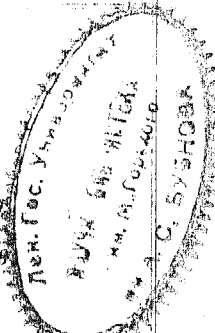
Печатано по постановлению Совета
Семипалатинского Отдела Русского Гео-
графического Общества.

Вышел из печати
10 октября 1925 г.

Содержание

- Леса Семипалатинской губ.
1 стр. *И. Евсеев*
- Геологический очерк 45 стр. *Д. Мурашов*
- Главнейшие вредители с.-хоз.
и борьба с ними в Се-
мипалат. губ. 73 стр. . *К. П. Филатов*
- Мараловодство в Семипала-
тинской губ. 81 стр. . *Ветерач Яковлев.*
- Озеро Балхаш в Географи-
ческом, экономическом
и этнографическом от-
ношении 88 стр. . . *Сарычев.*

РЕГИСТРАТУРА

12 ЯНВ 1926

СЕМИПАЛАТИНСК.

1925 г.

Озеро Балхаш в географическом, экономическом и этнографическом отношениях.

На территории Казакстана до настоящего времени сохранились еще места плохо или мало изученные, к которым относится, между прочим, и озеро Балхаш, особенно северное побережье его, входящее в состав южной части Каркаралинского уезда, Семипалатинской губ. Отсутствие там оседлого населения и удобных путей сообщения с вытекающей отсюда затруднительностью проезда туда, а также отдаленность его от населенных пунктов,— вот основные причины почему весь этот богатый, крайне своеобразный и во многих отношениях интересный район, на пространстве которого могло бы уместиться несколько уездов центральных губерний, до сих пор мало обследован и для огромного большинства совершенно неизвестен.

Имеющиеся о нем научные труды Берга, Никольского и др. в настоящее время в некоторых отношениях немного устарели; кроме того, несмотря на их солидность, многие вопросы остались все-же неосвещенными, ибо при чисто-экспедиционном способе исследования, каковой к Балхашу до сих пор применялся, охватить все сразу, конечно, нельзя. И цель настоящего краткого очерка—это, не компактуя воедино все уже известное, постараться обрисовать своевременный Балхаш главным образом в экономическом отношении с добавлением того, что так или иначе удалось узнать и подметить нового пишущему эти строки при обследовании северного побережья в 1921 году, произведенного по распоряжению Каркаралинского Уисполкома, и во время неоднократных туда поездок по делам службы.

* * *

Имея форму гигантской неправильной восьмерки длиною свыше 500 и шириною от 10 до 16 километров, Балхаш расположен в пределах Джетысуйской области и Семипалатинской губ., при чем граница между ними проходит почти посредине (в длину) его и, лишь немного не доходя до восточного берега, круто сворачивает к северу.

Необходимо оговориться, что точных географических карт его нет, в чем пришлось убедиться, между прочим, участникам экспедиции Южно-Сибя в 1921 году, когда вместо помеченного на картах залива, куда хотела укрыться от бури одна из экспедиционных яхт, оказались песчаные гряды. Здесь возможны только два объяснения: или карты были засняты заведомо неверно, или же

этот водоем постепенно меняет свою форму. Собственно, в последнем нет ничего удивительного, т. к. во многих местах ясно заметны следы высыхания, о чем более подробно нам придется говорить ниже.

На таком огромном протяжении характер береговой полосы, естественно, не везде одинаков, и северное побережье, более высокое, существенно различается от южного, местами болотистого, с огромными отмелями, тянущимися иногда на десятки километров. Исследователь, побывавший лишь на одном каком-либо урочище южного берега, вынесет о Балхаше впечатление, как о каком-то болоте с непроходимыми камышевыми дебрями и трясинами, окружающем огромный, но весьма мелководный водоем. Наоборот, всякий, посетивший одно лишь урочище Таргыл (на северном берегу) будет утверждать, что Балахаш—это чуть-ли не море, с голубою прозрачною водой, крутыми скалистыми берегами, имеющими живописный, дикий вид и не умолкаемым все лето прибоем, шумно бьющимся о прибрежные камни. И тот и другой будут в данном случае, по-своему, пожалуй, правы, но отсюда, естественно, вытекает разноречивость мнений о Балахаше.

Но и на северном берегу живописных уголков очень мало. Вся эта прибрежная полоса шириною в несколько десятков километров представляет как-бы отросток Голодной Стени (Ватнак-Дала) с огромными пространствами песков и солонцов, своеобразной растительностью и грядами невысоких холмов и возвышенностей, кое-где переходящих в более высокие сопки.

Печальная картина разворачивается здесь перед глазами путешественника в летнее время. Все вокруг носит унылый желто-серый оттенок, переходящий в суходолах, покрытых зарослями чия, в светло-желтый тон, и лишь кое-где нестерпимо-ярко блеснут солонцы. Напрасно взор ищет хотя-бы клочка зелени—горичие солнечные лучи еще в конце весны сожгли всю растительность, и даже невысокие кустики баялыша кажутся совершенно безжизненными. Раскаленный песок пышет зноем; вдаль, куда ни взглянешь, ходит марево. Нигде не видать ни одного живого существа,—лишь изредка в мареве мелькнет стадо сайгаков, кажущихся какими-то призраками, да под ногами с деловитым видом пробежит небольшая круглоголовая ящерица. Но, вот, при подъеме на один из увалов неожиданно показывается необозримая, сливающаяся на горизонте с небом, ярко-синяя, с неуловимым изумрудным оттенком гладь Балхаша, местами отделенная от желтых берегов зелеными камышевыми грядами. На самом берегу видны покинутые на лето саманные зимовки, и чувствуется, что здесь недавно жили люди.

Такова общая картина северного побережья летом.

Весною и осенью местная растительность зеленеет, вследствие чего ландшафт приобретает зеленый колорит. Растительности, присущей средней полосе Сибири, здесь нет и в помине, местная флора носит пустынный и солончаковый характер, и наиболее распространенным представителем ее является баялыш-низкорослый, высотой до 30 сантим., шарообразный кустарник,

служащий, между прочим, в качестве великолепного степного топлива, молодые ветки коего с охотой поедают верблюды. Вместе с похожим на него по внешнему виду кокпеком он занимает иногда пространства в десятки квадратных километров. Там, где есть недалеко от поверхности подземная вода, тянутся заросли чия, достигающего высоты 2,5 метра. Изредка встречается низкорослый саксаул высотой не более 1,5 метра, а на самом берегу попадаетеся джангыл и туранга. Если к этому прибавить несколько растущих исключительно на солонцах травянистых растений, и камыш, то мы получим список наиболее видных и распространенных представителей тамошней флоры.

О камышевых зарослях приходится сказать несколько подробнее. Камыш там растет не в воде, а по низменным болотистым местам на так называемых копаках, т. е. высоких моховых кочках, занимая иногда огромные пространства и достигая высоты 3—4 метров. Местное кирнаселение, учтя, что на месте выжженного начинает расти мелкий молодой камыш, пригодный для того, чтобы его косить и, следовательно, заготавливать в качестве корма скоту, начало за последние годы усиленно выжигать старые заросли, вследствие чего последние постепенно исчезают. Огонь, пущенный где-нибудь в одном месте, обычно ранней весной, беспрепятственно распространяется во все стороны, уничтожая все, что способно гореть, в том числе, иногда, и зимовые постройки, расположенные большею частью среди камышей. И каждую ночь в продолжение всего лета небо бывает во многих местах залито заревом этих пожарищ. Заросли эти, переходящие иногда в непроходимые дебри, образуются в течение не одного десятка, возможно, сотни лет, и при таком усиленном выжигании недалеко то время, когда от них останется одно воспоминание...

Из представителей местной фауны наиболее интересными являются кабаны, живущие в камышах, и сайгаки, встречающиеся в наиболее глухих местах этой прибрежной полосы. Как тех, так и других с каждым годом становится все меньше и меньше, т. к. на кабанах губительно отражается выжигание камышей, корни коих, между прочим, служат им главной пищей, а для сайгаков—увеличение числа охотников за ними. Это крайне осторожное и пугливое животное, отличающееся изумительно-быстрым бегом, лет 50 тому назад встречалось под Акмолами и Каркаралинском, но с увеличением народонаселения сохранилось лишь около Голодной Степи и в глухих углах прибалхашья. Но и здесь оно, вероятно, исчезнет так же, как исчезли встречавшиеся некогда под Балхашем куланы.

Для зоолога представит, пожалуй, некоторый интерес обитающий в камышах балхашской зайц, не изменяющий своего серого цвета и зимой, с более длинным хвостом и меньшим туловищем, чем обыкновенный беляк, но совершенно схожий с ним всеми повадками. Из пушных зверей, как в камышах, так и прибрежных возвышенностях водится волк, а в сопках—лисица-огнев-

ка и корсак. Особенно много их на Таргыле. Кроме того, встречается хорек, барсук, колонок и, изредка, горностай.

Орнитолог встретит здесь зимой черную семиреченскую ворону, прилетающую сюда лишь на зиму, а из прилетных, гнездящихся здесь, — пеликана, баклана, лебедя, гуся, уток, варнавку, стайку и чаек. Вдали от берега попадаетея журавль, дрофа-красотка, орлан-белохвост, ястреба, копчики, а в некоторых местах розовый скворец, являющийся уничтожителем саранчи, ежегодно массами вылетающей из камышей юго-западного угла Балхаша. Как авангарды армии защиты растений, розовые скворцы огромными стаями встречают саранчу и, вероятно, не одна сотня десятин посевов в средней части Акмолинского и Каркаралинского уездов сохраняются, благодаря этой птичке. Массовый пролет весной и осенью дичи через Балхаш, особенно, через самую узкую часть его представляет грандиозное зрелище, но гнездовать на северном берегу ее остается сравнительно мало.

Этномолог будет поражен обилием тарантулов, каракуртов, фаланг, сколопендр, а на Таргыле скорпионов. Обращает на себя внимание также масса змей (гадюки, стрела-змея), но все эти страшилища оказываются довольно безобидными существами, до тех пор, конечно, пока их сам не тронешь. И как местное кр-население, так и жившие там по несколько лет русские не жалуются на случаи смертельных укусов.

Из отдельных урочищ некоторые заслуживают внимания в том или ином отношении, вследствие чего о них придется хотя бы вкратце сказать несколько слов.

Северный берег, в самом узком месте носящий название Дерессень, населен гуще всего, и зимовки расположены там так близко друг от друга, что издали напоминают большую деревню, растянувшуюся в камышах на несколько километров. Здесь зимует около $\frac{1}{4}$ населения Катон-Балхашской волости.

Одним из наиболее глубоких является Бертысский залив, имеющий почти круглую форму и окруженный со всех сторон возвышенностями. Название его произошло от торчащей из воды скалы, имеющей, если смотреть на нее издали, форму зуба (по-киргизски быртис значит один зуб). Это единственный по всему северному берегу залив, куда могут свободно входить глубоко сидящие суда и иметь там стоянку без возведения волнорезов и дамб.

В 80 километрах от Балхаша, почти как раз на север от Бертысского залива, возвышается высокая гора Бехта-Бата, представляющая колоссальный гранитный монолит, поросший кой-где арчей (можжевельником); рядом находятся две других меньших по величине гранитных вершины: Сары-Кульджа и Конур-Кульджа. У подножия этих гор в изобилии имеется ключевая вода и великолепная луговая растительность, есть также небольшие рощи мелкого осинника, все более или менее крупные экземпляры которого давным давно вырублены находящимся в 50 километрах на запад Степановским серебро-свинцово-плавильным заводом. Им же для топлива более, чем на половину, уничтожены и

поросли арчи. Эти горы расположены как-бы на границе прибалхашья, и по направлению от них к Балхашу нет ни проточной воды, ни обычной расгительности, ни зимовых стойбищ. Здесь сходятся три грунтовых дороги: из Каркаралов на Бертыс, из Каркаралов в Пишпек и из Акмалов на урочище Дерессень. Две последние из них имели когда-то значение в торговом отношении, но в настоящее время совершенно заброшены. Остроконечная верхушка Бехта-Боты видна даже с противоположного южного берега, откуда она кажется торчащей из воды в том месте, где вода сливается с небом, и служит маяком при переездах зимою по льду через Балхаш. Почти на середине высоты склона ее, обращенного на северо-запад, имеется узкий, но длинный извилистый грот со сводами готической формы, дно коего покрыто холодной прозрачной водой, стоящей всегда на одном уровне. Это обстоятельство, очевидно, сильно поразило ум степняка-кочевника, и грот считается святым.

В пределах Чешской волости имеется урочище Кашкан-Тениз (дословно: убежавшее море) покрытое густыми камышами, представляющее в настоящее время отдельное озеро с горько-соленой водой.

* * *

Как указано выше, южный берег представляет в большей своей части огромную низменность с камышевыми зарослями, достигающими здесь местами высоты 4—5 метров. Кой-где сохранились еще совершенно непроходимые дебри, в которых, вероятно, никогда не бывала нога человека. И здесь начинается практиковаться их выжигание, хотя и не в таких размерах, как на северном побережьи. Среди камышей встречается „кендырь“,—особое растение, стебли коего в засушенном виде напоминают стебли малины и имеют весьма прочные блестящие белые, иногда розоватые волокна.

За камышевыми зарослями на несколько сотен квадратных километров простираются заросли саксаула, достигающего здесь высоты 4—5 метров и напоминающего уже не кустарник, а низкорослые деревья, растущие на барханах.

Кроме птиц и млекопитающих, встречающихся на северном берегу, имеются в изобилии фазаны, живущие в камышах круглый год; летом—белые цапли; в наиболее глухих местах (в камышевых дебрях)—изредка тигры, а в зарослях саксаула—дикая кошка.

Из отдельных урочищ наиболее интересно Бала-Тениз (дословно: дитя-море), представляющее как-бы огромный залив Балхаша. В самом узком месте последнего расположен Узун-Арал (дословно: длинный остров), низменный, покрытый камышами длинный остров, отделенный от южного берега протокой в 200—300 метров ширины и отстоящий от северного в расстоянии 10 километров.

Водное пространство Балхаша служит как-бы климатической границей, и климат южного берега немного разнится от климата

северного. Особенно это заметно зимой, когда на южном берегу снега большею частью совершенно почти не бывает, на северном же он выпадает слоем в 15—20 сантиметров. В данном случае играет роль не только наличие огромной водной поверхности, но также, вероятно, и другие, более существенные причины.

При упорном северо-восточном ветре в январе и феврале мороз на северном берегу достигает иногда 20° R, но нередки такие случаи: утром при безоблачном небе северо-восточный ветер, температура воздуха— 20° ; днем восточный ветер при показаниях термометра— 10° , вечером теплый южный ветер, нагоняющий массу дождевых туч, и крупный частый дождь, сгоняющий снег, причем термометр повышается до $+4^{\circ}$.

Но в общем атмосферных осадков, как зимой, так и в остальное время года выпадает очень мало. Буранов, между прочим, никогда не бывает,—их заменяют туманы, длящиеся несколько суток и выделяющие обильный куржак.

Летом на северном берегу ветер, обычно, меняет направление в зависимости от положения солнца относительно горизонта; ночью—с севера, утром—с востока, днем—с юга и вечером—с запада. Тихих безветренных дней бывает очень мало.

Вода в Балхаше не везде одинакова, и чем ближе к восточному берегу, тем она на вкус солонее, т. е. количество солей в ней больше. В средней части она имеет небольшой солоноватый привкус и вполне пригодна для питья, хотя в первое время с непривычки вызывает легкое расстройство желудка. На западе она опресняется притоком пресной воды из реки Или.

Относительно глубин Балхаша точных данных нет. Во всяком случае глубина этого водоема по сравнению с его огромной поверхностью в общем ничтожна. Наиболее глубокие места, судя по топографии берегов, находятся, очевидно, немного западнее Таргыла, где Балхаш как раз имеет наибольшую ширину. Заливы даже северного, более высокого берега в общем мелководны и глубина их в среднем не превышает 3—3 метров,—исключение составляет лишь Бертыс, глубина коего достигает 15 метров.

При западном ветре, продолжающемся подряд несколько суток (что случается летом 2—3 раза), на восточный берег нагоняется масса воды, и уровень ее поднимается там на 1—2 метра с соответственным понижением уровня на западе. Обратная картина наблюдается при упорном восточном ветре. В более меньших размерах явление это бывает при южном или северном на соответственных берегах.

Как только стихнет ветер, вода стремится занять свое первоначальное положение, вследствие чего образуется как-бы течение, особенно заметное в самой узкой части Балхаша, что некоторые исследователи приняли за существование там течений на подобие морских.

Балхаш окончательно застывает к началу декабря, причем толщина льда достигает 30 сантиметров. Вначале появляются забережники, лед коих, ломаемый и уносимый ветром, наносится на мысы огромными торосами. После окончательного замерзания

между оконечностей мысов появляются трещины длиною иногда в несколько десятков километров при ширине в 1—2 метра. Образование их сопровождается звуком, подобным гулу сильной артиллерийской канонады.

Освобождение весной от льда начинается от устья реки Или, где и зимою остается огромная полынья. Заливы северного берега окончательно очищаются лишь к 20 апреля.

На географических картах значится, что в этот водоем впадают реки: Аягуз, Каратал, Токраун, Моинты, Или, Баганас. На самом деле большинство из них до него не доходит, теряясь в песках. Рекою в полном смысле этого слова можно назвать лишь Или, несущую воды вдвое больше, чем все вместе взятые остальные.

Наряду с этим имеется огромный приток подземных вод. В северной прибрежной полосе последние, имея течение по направлению к Балхашу, встречаются почти повсеместно, чем, между прочим, пользуется местное кирнаселение, выкапывая колодцы при передвижении весной на летовки и осенью обратно на зимовье к балхашскому берегу. Скорость течения их в различных местах весьма различна, уровень от поверхности земли обычно отстоит на 2—3 метра, в низинах-же иногда всего лишь на 1 метр.

Без специальных исследований трудно, конечно, сказать, какою цифрой выражается этот приток, но, если принять во внимание, что начиная почти от Каркаралов, местность по направлению к Балхашу постепенно понижается, и что остатки атмосферных осадков должны поэтому скатываться со всего этого пространства в балхашскую котловину, то приходится сказать, что приток этот колоссален.

Но все-же, несмотря на это, Балхаш высыхает. Следы высыхания видны повсюду. Встречаются остатки камышевых зарослей на совершенно сухом месте в нескольких километрах от теперешней береговой линии, кой-где сохранились вдали от берега нанесенные прибоем песчаные валы.

В данном случае едва-ли будет уместно об'яснять это явление построением весьма смелых гипотез вроде существования какого-то подземного канала, соединяющего Балхаш с Аральским морем, поэтому, ограничиваясь лишь констатированием этого факта, укажем на то, что этот весьма интересный вопрос требует для своего об'яснения детальных, серьезных исследований. У нас нет строго-проверенных опытных данных о количестве испаряющейся воды с единицы поверхности в местных условиях при тамошнем весьма жарком и довольно продолжительном лете, а без этого, конечно, будет по меньшей мере преждевременно делать какие-либо выводы.

Итак, Балхаш в настоящее время высыхает, причем по поверхностным наблюдениям видно, что уровень воды за последние 6 лет понижается за год неравномерно с колебанием от 2 до 6 сантиметров. Но нет ничего удивительного, что за периодом высыхания наступит период наполнения,—таковые случаи сплошь

и рядом бывают со степными озерами, а, ведь, современный Балхаш, строго говоря, отличается от них только своей величиной. В качестве примера можно привести хотя-бы довольно большое пресноводное озеро Чаглы в 120 километрах на юг от г. Петропавловска, в которое впадает речка Чаглинка. Озеро это лет 50 тому назад совершенно высохло, но затем постепенно вновь наполнилось водой в прежнем своем объеме.

Во всяком случае боязнь, что Балхаш окончательно когда-либо высохнет, не имеет покаместь под собою оснований. Это может случиться только тогда, когда в него совершенно прекратится приток вод извне, достаточный для возмещения количества испаряющейся воды.

Выше мы сказали, что, современный нам Балхаш представляет из себя огромное степное озеро (при классификации их на горные, степные, лесные и т. д.), повторять и разбирать предположения, что это есть остаток какого-то древнего моря, вследствие их гипотетичности, мы не будем.

* * *

Местным киргизским названием этот огромный водоем зовется „Тениз“ т. е. море, современное-же официальное его название произошло, очевидно, от двух слов: „балык“ и „аш“, что при дословном переводе с киргизского языка на русский значит; открой рыбу.

До настоящего времени нам известно, что в самом Балхаше водятся лишь сазан, маринка (двух сортов, носящих местное название кара-балык и кокбас-балык) и белый балхашский окунь; изредка попадает еще небольшая рыба, называемая киргизами „ит-балык“ т. е. собачья рыба. Но здесь необходимо оговориться, что глубины его не исследованы, поэтому, кем они населены, мы не знаем. Указанные-же породы рыб известны лишь потому, что ловятся вблизи берегов.

Киргизское население северного побережья насадителем рыболовства считает пользовавшегося среди него большим влиянием Хасеня Бижанова, получившего образование в русских учебных заведениях и несколько десятков лет тому назад начавшего обучать местную киргизскую бедноту, чтобы дать ей какой-нибудь подсобный заработок, лову рыбы при помощи сетей и кармаков (зимняя удочка специально для лова окуня). Богатый киргиз и даже середняк на рыбу, как на продукт питания, до сих пор смотрит пренебрежительно, предпочитая питаться продуктами своего скотоводческого хозяйства с прибавлением жареной в жиру пшеницы или бурсаков (жареных в жиру кусочков пресного теста), бедняк-же давно учел, что рыба может спасти его от голода. Экономическая необходимость заставила его взяться за кармак, а при малейшей возможности обзаводиться хотя-бы двумя-тремя сетями; неводная-же рыбалка, требующая одновременной затраты на приобретение невода и лодок довольно солидных средств, остается для него совершенно недоступной.

Обычно, один кармачник в зимний день при хорошем клеве может наловить белого окуня 4—5 пудов; при подходе рыбы к берегам в одну 20-ти метровую сеть попадает за сутки до 10 пт. сазана и маринки, что дает возможность рыбаку не только питаться рыбой, но и продавать часть своего улова. С развитием рыболовства появились скупщики, скупавшие каждую зиму по северному, семипалатинскому побережью за последние годы перед началом германской войны до 35.000 пудов главным образом белого окуня и, пользуясь существовавшей в то время дешевой выючного и санного транспорта, доставлявшие балхашскую рыбу даже на петропавловский рынок. Скупка производилась в порядке товарообмена, причем тысяча штук мерного окуня (т. д. около 15 пудов) обменивалась, обычно, за два пуда пшеницы, что, принимая во внимание существовавшие тогда там цены на последнюю, было равноценно 2—3 рублям,—иными словами, скупщик уплачивал рыбаку за пуд окуня всего лишь 15—20 копеек. С начала революции скупщиков больше не приезжает, вследствие чего местное бедняцкое кирраселение ловит рыбу почти исключительно лишь в пределах собственного потребления.

Наиболее ценным является сазан, появившийся там сравнительно недавно—всего лишь несколько десятков лет тому назад, случайно попав через реку Или из одного пруда во время сильного весеннего разлива. Очевидно, найдя для себя благоприятные условия, он размножился там в поразительном количестве и в настоящее время есть залив, где сазан по количеству преобладает над маринкой. Так, неводной лов на Бертысе дает 80% сазана и лишь 20% маринки. Но есть и такие заливы, где улов маринки преобладает, как напр., Чубар-Тюбек.

В отношении рыболовства северное, семипалатинское побережье в общем более удобно, чем южное, где некоторые заливы, вследствие своей незначительной глубины и тинистости два, для промыслового рыболовства совершенно недоступны. Здесь необходимо отметить весьма важный факт, а именно: ввиду наличия таких заливов, рыба из этого водоема, вообще говоря, никогда не может быть выловлена, даже при самом интенсивном развитии там рыболовства, что весьма выгодно отличает его от других водоемов. Наиболее удобными являются заливы: Тык-Чоку, Ак-Тюбек, малый Сары-Чаган, Талтун, Бертыс. Чубар-Тюбек, Ак-Мамык, Коржун-Тюбек, большой Сары-Чаган и Буру-Байтак, а также устья рек, особенно устье реки Или.

Так как о рыболовстве в южной части, входящей в состав Джетысуйской области и находившейся в ведении бывшей Турк-рыбы, более или менее подробные сведения в специальной литературе по данному вопросу уже имеются, мы ограничимся лишь описанием рыболовства на семипалатинском побережье.

Как указано выше, для местного ловецкого населения, состоящего исключительно из киргизской бедноты, неводная рыбалка недоступна. Но огромные рыбные богатства с начала текущего столетия начали привлекать туда частных предпринимателей, делавших попытки организовать неводной лов. Так, кар-

каралинский купец Кошелев около 10 лет тому назад оборудовал небольшие рыбные промыслы на Талтуне; выходец с Дона, некто Филипп Яловенко, оказавшийся впоследствии политическим авантюристом и расстрелянный летом 1920 года красными войсками за контр-революционные деяния,—имея невод в один километр длиной и парусный баркас, занялся рыболовством в западном углу Балхаша, почти на границе с Семиречьем. По рассказам очевидцев он за одну тоню в заливе большой Сары-Чаган ловил свыше десяти тысяч штук сазана и маринки, т. е. около 16 тонн. В 1918—19 г. г. бывшее Каркаралинское земство организовало небольшую неводную рыбалку на Бертысе, а на Чубартюбеке одновременно с этим занялся рыболовством участник балхашской экспедиции 1917-го года инженер-гидротехник Амосов.

В начале 1920 года после ликвидации колчаковщины Каркаралинский Уревком национализировал Кошелевскую и Амосовскую рыбалки, и объединив их с земской, предполагал начать более широкую эксплуатацию рыбных богатств. Земский невод, вследствие своей ветхости, для лова был совершенно непригоден, небольшие невода Амосова и Кошелева длиной по 90 метров каждый требовали починки, достать же в то время веревину и шпатаг не представлялось возможным, ввиду чего весной 1920 года пришлось ограничиться уловом лишь в 100 тонн, но и это количество не могло быть своевременно вывезено, вследствие существования тогда расстройств выючного и гужевого транспорта и общей экономической разрухи. В начале 1921 г. были сделаны попытки починить невода ниткой из волокон кендыря, но полное отсутствие средств у Каркаралинского УЗЭконота (уездное отделение Губсовнархоза), в непосредственном ведении коего состояли тогда эти промыслы, принудило продать их осенью того-же года Каркаралинскому отделению Губсоюза. Последнее к весне 1922 года соорудило новый невод длиной в 500 метров, коим и заготовило около 150 тонн сазана и маринки, но как засолка, так и доставка улова были плохо организованы, вследствие чего часть рыбы пришла в Семипалатинск в испорченном виде, неиспорченная же из Семипалатинска, где ее, ввиду высокой себестоимости продать не удалось,—была отправлена на Нижегородскую ярмарку. В конечном итоге Губсоюз понес большие убытки и отказался от дальнейшей эксплуатации Балхаша.

Все эти предприниматели производили засолку всего улова в бунты, получая продукт сравнительно малоценный, в большинстве случаев не могущий выдержать дороговизны провоза до рынков сбыта и теряющий к тому-же более, чем наполовину, свои вкусовые качества во время длительной перевозки,—что является одной из основных причин неудач развития там неводного рыболовства. Наловить рыбу очень легко, засолить ее также нетрудно, но своевременно и главное, дешево перебросить ее является не только затруднительным, но при плохом знании местных условий и совершенно невозможным.

Попытки окончились неудачей, но они неопровержимо доказали, что запасы рыбы там во всяком случае солидны. Здесь не-

обходимо оговориться, что условия и время подхода рыбы к берегам точно не изучены, вследствие чего указанные выше случаи улова едва-ли являются максимальными.

Наиболее прибыльными бывают тони тотчас-же после очищения заливов от льда. В июне в тихие вечера наблюдается массовый подход сазана в некоторые заливы северного берега, когда вода в них от колоссального количества рыбы начинает кипеть, как в котле.

Принимая во внимание практические данные, можно считать, что при рациональном развитии рыболовства годичный валовой лов по северному, семипалатинскому берегу выразится в размере 5.000 тонн рыбы-сырца. Но для этого необходимы прежде всего пути сообщения.

Возникает, естественно, вопрос: можно-ли хотя-бы частично использовать эти рыбные богатства в настоящее время? Да, возможно. Но для этого нужно будет или организовать там небольшие (на первое время) государственные рыбные промыслы с неперменным условием переработки всего улова на месте на рыбный жир и желатин, как продуктов, могущих выдержать дороговизну транспорта и устойчивых в отношении порчи, или-же представить льготы желающим заняться там промысловым рыболовством в виде снабжения их на льготных условиях всем необходимым для лова и организации сбыта заловленной рыбы, причем на первое время рынком сбыта последней может быть Акмолинский уезд.

Это—будущий центр рыболовства для Семипалатинской губ. т. к. теперешний рыболовный центр, озеро Нор-Зайсан, не может вынести слишком интенсивного развития лова и в настоящее время несравненно беднее рыбой, чем Балхаш.

* * *

Почти по всему северному побережью встречаются выходы на поверхность различных руд. Особенно много их около Таргыла, где был даже плавильный завод, принадлежавший купцу Дерову. Почти все руды здесь полиметаллические (свинец, серебро, цинк, медь), требующие, следовательно, для выплавки из них металла применения ватержакстных печей, плавка-же в обыкновенных шахтных и отражательных печах желаемых результатов не дала, несмотря на то, что владельцем завода был выписан с Урала специалист по плавке. Завод должен был прекратить свое существование, и в настоящее время от него остались лишь одни развалины, да околло 1.000 тонн отсортированных руд. Топливом главным образом служил баялыш и привозимый зимой с южного берега саксаул. Лесные строительные материалы доставлялись из Каркаралов.

Есть, между прочим, выходы цинковой руды на урочище Тек-Турмас в 9 километрах от Бертыса на север, а вблизи самого Бертыса в изобилии имеется каолин.

Поваренная соль в колоссальном количестве имеется на соленом озере Кок-Домбак в 50 километрах на север от Таргыла, где под верхним слоем мелкой расположен толстый слой комовой

соли. Как показала практика, кок-домбакская соль в достаточных размерах обладает консервирующими свойствами и вполне пригодна для засолки рыбы. Таким образом, рыболовство на Балхаше солью вполне обеспечено. С этого озера местное кирнаселение ежегодно вывозит несколько сотен тонн соли в соседний Акмолинский уезд (район Спасского завода) для обмена на хлеб. Никаких соляных промыслов там, конечно, нет, и соль в середине лета, когда озеро совершенно высыхает, берет всякий желающий совершенно бесплатно.

Небольшое соленое озеро есть вблизи Бертуса почти на самом берегу соседнего с ним Талтунского залива, но соль там худшего качества по сравнению с кок-домбакской.

Невдалеке от Кок-Домбака есть бурый каменный уголь, имеется он также около речки Джампи. Произведенные здесь в 1921 году молодым горным инженером Русаковым изыскания до конца доведены не были, поэтому трудно сказать, пригодны или нет для эксплуатации оба эти месторождения.

Там-же, по словам ездившего туда в 1920 году кристаллографа Крыжановского, встречается молибденовая руда.

Северная прибалхашская полоса—это часть будущего горно-промышленного района, в который войдут Каркаралинский и Акмолинский уезды.

Несколько лет тому назад начали циркулировать упорные слухи, что вблизи западной оконечности Балхаша имеется нефть и в 1920 году туда даже проехала из Семипалатинска особая экспедиция. Насколько известно, никакой нефти она там не нашла, и вероятней всего, что слухи эти возникли, благодаря наличию в Алакуле так называемого балхашита или элатерита—особой воскообразной горючей массы, по своему химическому составу относящейся к группе углеводородов, и которую многие принимали за признак присутствия вблизи нефтяных месторождений. Возможно также, что в этих случаях отразилась шумиха с открытием верненской нефти.

При восточном ветре на западный берег Алакуля волнами наносится тоненькая корочка этого вещества, по отзывам некоторых компетентных лиц представляющего ничто иное, как продукт медленного разложения органических остатков (водорослей или животных) на дне Алакуля. Сам по себе балхашит никакого серьезного промышленного значения пока не имеет, хотя-бы уже по одному тому, что запасы его слишком ничтожны, и за ним остается лишь чисто научный интерес.

Таково-же значение и „кендыря“ с его изумительно прочными волокнами. Еще при царизме на это растение обратила внимание экспедиция заготовления государств. бумаг, имевшая в виду использовать его для выделки особого сорта бумаги, но оказалось, что оно совершенно не поддается культивировке и может расти только среди камыша, благодаря чему, утилизация его в более или менее крупных размерах невозможна. Местное кирнаселение использует его в весьма, впрочем, небольшом количестве для пряжи, для чего необходимо прежде всего каждый его стебель

разрезать вдоль ножом на 4 части и затем сдирать руками волокна, т. к. обычные способы, применяемые ко льну и конопле для отделения волокон от кострики, никаких результатов не дают.

Необходимо сказать также несколько слов об охотничьем промысле. Наиболее прибыльной является охота на сайгаков, благодаря дороговизне сайгачьих рогов. Последние, как известно, идут главным образом в Китай для получения сильно-действующего афродитического средства, и цена за пару их (весом в среднем в $\frac{3}{4}$ фунта) выражавшаяся в довоенное время в сумме 20—30 руб., достигла в 1921—22 г. г. до 140 рублей, когда на Балхаш, как на одно из немногих мест, где еще сохранились сайгаки, нелегально пробирались чугучаковские сарты, чтобы скупать их и контрабандно вывозить через монгольскую границу. В прибалхашских волостях издавна существуют охотники на сайгаков, — так называемые „мергени“, — в большинстве случаев бедняки, не имеющие скота, которым бай (богачи) дают лошадь и все необходимое для охоты с тем, чтобы все рога поступали в пользу бая. Взяв с собой достаточный запас провизии, „мергень“ проводит иногда несколько недель где-нибудь вдали от аулов, выслеживая этих пугливых животных. С ног до головы одетый в сайгачьи шкуры (чтобы лучше сливаться с местностью), ползет он по баялышу несколько километров, чтобы приблизиться к ним на выстрел, или по несколько дней ожидать их у водопоя. Никаких, конечно, сроков охоты в данном случае не соблюдается, да и проследить там за соблюдением их некому.

Раньше „мергень“ охотился со старинной, чуть-ли не фитильной винтовкой и поэтому принужден был стрелять лишь на близкую дистанцию, дорожа каждым выстрелом и выбирая рога того самца (самка рогов не имеет), но за время гражданской войны в руки их попали скорострельные военные винтовки и теперь, подобравшись к сайгачьему стаду, „мергень“ начинает стрелять по нему, не жалея патронов, в расчете на то, что, какая-нибудь из пуль зацепит самца. При таком способе охоты бесполезно гибнут самки. Но особенно губительными для сайгаков являются зимние туманы, когда они, лишенные возможности ориентироваться, вместо бега по прямой линии описывают гигантские круги, чем пользуется население и устраивает на них облавы, во время которых избиваются, как самцы, так и самки.

Из пушных зверей больше всего охотятся на лисицу при помощи собак и беркутов. Не только бай, но и каждый середняк обязательно имеет лисий тумак (меховой головной убор, крытый сверху материей и закрывающий шею и щеки). Пушнина сбывается мелким скупщикам-татарам, издавна ежегодно ездящим для этого туда.

Для мусульманина кабаны — нечистые животные, поэтому на северном берегу за ними охотятся лишь приезжие русские. В довоенное время по южному побережью был развит особый вид охотничьего промысла: охота на белую цаплю, имеющую на голове несколько перьев, шедших на украшение дамских шляп. Фунт этих перьев стоял около 200 руб., и бывали случаи, что

завидные туда специально для этой охоты русские добывали их за одно лето до 3—4 фунтов, для чего необходимо было убить до тысячи штук цапель. Такой охотник с небольшой, удобной для перетаскивания лодкой проводил в болотистых местах, где цапля гнездуется, несколько месяцев, буквально отрезавший от всего мира.

* * *

На северном берегу зимует в камышах большая часть населения Катон-балхашской, Чешской, Дагадальской и Чубартавской волостей Каркаралинского уезда, в летнее время все это побережье совершенно безлюдно. Многие имеют здесь саманные зимовки, некоторые же проводят всю зиму в юртах, перекочевывая 2—3 раза с места на место. Трудно даже приблизительно—точно установить там количество населения, но во всяком случае оно не ниже 30.000 чел. В 1921 году две самые отдаленные волости (Моинтинская и Сарыбулакская, образовавшие теперешнюю Четскую) в целях уклонения от уплаты налогов самовольно укочевали почти полностью к реке Чу, в других же волостях начались самовольные переселения, вследствие чего официальные данные, и без того по местным условиям не могущие быть точно составленными, особенно при наблюдающейся там боязни населения давать какие-либо соответствующие действительности сведения, точными отнюдь не являются.

Наиболее зажиточные перегоняют свои стада по льду на всю зиму на выпас в камыши южного берега, населенного джетысуйскими киргизами, именуемыми джилаирами и отличающимися от своих северных сородичей более мягким нравом. На этой почве почти ежегодно происходят крупные недоразумения и даже стычки, причем побежденными всегда оказываются джилаиры. Стесняемые зимой и лишенные удобных для летних кочевков мест, они за последние два десятилетия уже не имеют скота в достаточных для кочевого образа жизни размерах и начали заниматься хлебопашеством. Не редкость встретить где-нибудь среди камышей джилаирскую пащину на клочке земли, удобной для искусственного орошения. Сеется почти исключительно пшеница или просо, обязательно под полив, т. е. неполивной хлеб там не растет.

Северные прибалхашские волости по справедливости считаются одними из наиболее богатых в Каркаралинском у. в смысле абсолютного наличия скота у населения. Но наряду с баями, т. е. богачами, имеющими по несколько сот верблюдов и лошадей и свыше тысячи баранов, встречаются кеден т. е. бедняки, совершенно не имеющие скота. Основа всему хозяйству—верблюды: на них кочуют (колесных экипажей там совершенно не знают) шерсть их идет на одежду и т. д., затем идут лошади и бараны. Рогатого же скота совершенно нет.

В камышах, где главным образом пасется зимою скот, особенно при тамошней малоснежной и теплой зиме никогда не может быть джута, т. е. падежа скота, обусловленного образованием ледяной корки на поверхности снега, не дающей возможности

скоту разрывать копытами снег, чтобы добраться до корма, и этот бич кочевого хозяйства, губящий иногда почти весь скот и более страшный по своим последствиям, чем сильная засуха в земледельческих районах, там совершенно неизвестен. Но и это благоприятное для кочевника обстоятельство не может вполне гарантировать его от голода, и он за последнее время начинает усиленно стремиться к хлебопашеству, как форме хозяйства, дающей в этом отношении более гарантий. Это стремление особенно рельефно наблюдается среди населения Катон-Балхашской волости, где более половины жителей имеют посевы в долине реки Токрауна, Джампи и Карабулака, производящиеся в общем в небольших размерах и отнюдь пока не являющиеся основным занятием. Сеется почти исключительно пшеница и просо, занявшие уже прочное место в качестве продуктов питания.

Сохранилось здесь, между прочим, много преданий. По одному из них в бета-батинском гроте жил некогда святой, происходивший из знатного рода и своими молитвами много помогавший всем обращавшимся к нему. Не так еще сравнительно давно к гроту совершались паломничества, причем каждый паломник, большую часть бай, считал своим долгом заколоть у подножия горы барана, сварить его и плотно повесить в виде своеобразного почтения памяти святого. Приходили со своим горем и женщины, принося с собою разноцветные лоскутки материй и ленты, чтобы развесить их в качестве жертвы на ближайшей к гроту арке... С течением времени нашелся предприимчивый человек, сложивший из дикого камня у начала под'ема к гроту подобие небольшой мечети и объявивший себя посредником между умершим святым и живыми его почитателями, Колоть баранов и получать себе их шкуру и часть мяса стало его неотъемлемым правом.

Как все это в общих чертах напоминает историю различных русских святых ключей и озер! Религиозный дурман, очевидно, выражается у всех приблизительно одинаково. Но при сходстве есть и коренное различие. В то время, как у русских паломничество к подобным святыням носило массовый характер, и к определенному сроку туда собирались тысячи богомольцев, главным образом из маломужских слоев населения, — у киргиз такого массового наплыва верующих не было, и паломники почти исключительно состояли, как уже сказано выше, из баев. Здесь сказались, вероятно, различие в мировоззрении и характере этих двух народов: лишенный той доли мистицизма и богоискательства, которые заставляют русского человека идти иногда за тысячи верст, чтобы обрести потерянное душевное равновесие и покой, — киргиз со своим более практическим складом ума, к счастью для него самого, оказался плохим паломником, предпочитая обращаться к помощи свыше лишь в исключительных случаях и только за испрашиванием каких-либо чисто-материальных благ.

В настоящее время паломничества к этому гроту нет, но все еще живо предание, что святой положил заклятие на местных ядовитых насекомых и змей, вследствие чего они, якобы, не ку-

сают человека. Молитвам того-же святого приписывают и то обстоятельство, что в Балхаше редко кто тонет.

Около Бехта-Боты есть несколько древних курганов, оставшихся, по преданию, от каких-то „калмаков“ — рослого воинственного народа, некогда жившего на территории современного Казахстана. Не разбирая данного вопроса с научно-исторической точки зрения, мы ограничимся лишь указанием на существование подобных преданий, оставив за этим древним народом его киргизское название

Этим „калмакам“ легенды приписывают и сооружение арыков (тоганов) в долине реки Токрауна, которыми со сравнительно недавнего времени начали пользоваться киргизы, им-же, якобы, принадлежат и древние горные разработки, представляющие открытые ступенчатые разрезы для добычи кислых медных руд. Кой-где даже сохранились и следы плавки, производившейся в огромных горшкообразных глиняных сосудах.

Обычно под курганом находится могильник, в котором встречаются оружие, предметы домашнего обихода и золотые украшения. Наличие этих последних было причиной тому, что за последние годы киргизы начали усиленно разрывать курганы.

Среди аборигентов северного побережья более, чем в каком-либо другом месте Казахстана сохранились остатки родового быта, что объясняется отдаленностью этого района от административных центров. При царизме единственным представителем русских в тамошних наиболее отдаленных волостях был волостной писарь, и население некоторых аулов смотрело на случайно захватившего туда русского, как на какого-то диковинного зверя.

В виде обычного права сохранился, между прочим, „кун“, то есть плата за убитого. Существует даже известная такса, предусматривающая, сколько должен уплатить убийца родственникам и семье убитого, смотря по степени зажиточности и знатности последнего, а также количеству членов его семьи. Расплата, обыкновенно, производится скотом, причем за единицу счета принят верблюд, равный двум лошадям или десяти баранам. Чем богаче и знатнее убитый, тем больше „кун“. За бедняка полагается 8 верблюдов, — это, так сказать, минимум, максимум-же исчисляется (в случае если убитый был знатен и богат) несколькими десятками, а иногда и сотней верблюдов.

„Кун“ предусматривает только убийства по нечаянности, неосторожности или во время драки, другие-же категории убийств влекут за собою или месть, причем родственники убитого встят не только убийце, но и его семье, или возбуждение дела в официальном суде. В гораздо меньших размерах полагается „кун“ и за членовредительство.

Необходимо сказать еще несколько слов о так называемых аксакалах (дословно: белая борода), т. е. уважаемых, авторитетных стариках, играющих видную роль при осуществлении обычного права. Это один из остатков родового быта, и как таковой, в недалеком будущем, очевидно, исчезнет. Слово аксакала — в известной степени закон, и при всяком происшествии прежде всего

справляются с его мнением. Собрание-же их творит и словесный суд и лишь наиболее важные преступления и правонарушения доходят до суда официального.

Возьмем для примера следующий часто встречающийся случай: один киргиз у другого из мести за какую-нибудь старую обиду или в качестве возмещения по какому-нибудь сомнительному долгу, который ему добровольно не хотят уплатить, угоняет, то есть попросту ворует лошадь. Потерпевший, наведя справки и узнав, кто был похитителем, собирает наиболее уважаемых аксакалов своего и ближайших аулов и после приличного случая угощения мясом, а в легкое время и кумысом излагает перед ними свою жалобу. После всестороннего обсуждения данного дела обычно выносится решение: „Так как у потерпевшего угнана лошадь, то ему надлежит угнать у обидчика две лошади“—какоев потерпевший, выждав удобный момент, и приводит в исполнение, угоняя иногда не две, а три или четыре лошади. Теперь уже обидчик чувствует себя обиженным и со своей стороны собирает аксакалов, выносящих решение, аналогичное первому. Дело разрастается. К обоим сторонам постепенно примыкают их родственники, и по прошествии нескольких лет обидчик и потерпевший во главе целой толпы джигитов (т. е. молодых всадников, молодежи) совершают налеты на аулы друг друга. Это—так называемая баранта, имеющая, как видно из вышесказанного, в первоначальной основе осуществление обычного права, но в большинстве случаев переходящая в конце концов в форменное воровство скота не только у враждующих сторон, но и у лиц, совершенно к ним не причастных. Шайка, организованная вначале специально для того, чтобы привести в исполнение решение аксакалов, входит во вкус порученного ей дела и начинает грабить, буквально, встречного и поперечного. Вот почему некоторые исследователи киргизского быта считают баранту простым воровством. Ясно, конечно, что баранта, даже в ее первоначальном виде, наносит ущерб обоим сторонам (одно угощение аксакалов чего стоит). Но к счастью, этот пережиток старины постепенно отходит в область преданий даже в прибалхашских волостях.

Интересна также так называемая „партийная вражда“, заключающаяся в следующем. В дореволюционное время должность волостного управителя была выборной, и почти в каждой волости имелось на нее несколько претендентов из числа лиц, наиболее почетных, авторитетных или богатых, развивавших перед каждым выбором усиленную агитацию в свою пользу и скупавших голоса бедноты. Каждым по ним составлялась „партия“, голосовавшая только за него, для чего требовалось не мало денег или скота. При равенстве сил двух претендентов шли в ход интриги, подкупы уездной администрации, страсти разгорались, и в некоторых случаях дело кончалось даже форменной дракой между обоими „партиями“.

Но и после окончания выборов наступало лишь обманчивое, наружное затишье. Невыбранный претендент не терял надежды быть выбранным в следующее трехлетие и старался всячески

повредить своему счастливому сопернику, который в свою очередь не оставался в долгу. От них не отставали и их приверженцы.

Не следует думать, что главную роль здесь играла любовь к политике,—дело объясняется тем, что должность управителя была весьма доходной, и каждый добившийся ее сильно наживался.

* * *

Чуть-ли не в большинстве случаев нам пришлось оговариваться, что тот или иной вопрос плохо или мало изучен. С другой стороны, очевидно, что Балхаш и его северная прибрежная полоса в экономическом отношении имеют блестящую будущность. Необходимы лишь пути сообщения. И с проведением намеченной к постройке Туркестанской жел. дор. (Семипалатинск-Ворный) там, безусловно, обращается целый промышленный район.

А отсюда, как будто, естественно, вытекает вывод, что настало время восполнить те огромные пробелы в его изучении, какие имеются в настоящее время, тем более, что в этом заинтересованы не только экономисты,—многие вопросы имеют чисто-научный интерес. Практический подход к этому—это, отказавшись от посылки туда дорого-стоящих экспедиций, создать там несколько постоянных, хотя-бы небольших станций для производства планомерного изучения.

Сарачев.

